В небольшом городке к северо-западу от Киева, выросшему, как это обычно бывает, из села, жизнь была до того скучна, провинциальна и даже патриархальна, что иногда казалось, будто он находится не под самым боком у столицы, а в тысяче километрах от нее. Из сельских шаровар городок, впрочем, вырос не до конца, большей частью состоя из крестьянских дворов с хатами, пристройками и сараями, откуда доносилось кудахтанье кур, блеянье коз, хрюканье свиней и мычанье коров. Несколько хрущевских пятиэтажек, выстроенных на бывшем пустыре, гляделись скорее приблудными чужаками, нежели коренными обитателями, а здание горкома партии на главной и

единственной площади своим желтым окрасом и треугольным фронтоном на четырех колоннах наводило более на мысли о помещичьей усадьбе, чем о советском учреждении. Бронзовый памятник Ленину перед горкомом изумлял своей кривизной, и когда на голову вождю садился голубь, казалось, что скульптура сию минуту завалится набок и рухнет под этой непомерной тяжестью.
Существование городка оживилось в начале семидесятых, когда на его окраине, на берегу узенькой, но извилистой до игривости речки, построили кардиологический санаторий. Бог его знает, так уж ли целебен был здешний воздух для сердечных больных, или, может быть, у тогдашнего руководителя хватило настойчивости и связей в столице, но место для санатория определили именно здесь и построили быстро и на удивление красиво. Врачей, конечно же, выписали из Киева, зато обслуживающий персонал из нянечек, прачек, уборщиц и поваров был местный, и это как-то заняло часть женской половины городка и даже превратило ее в своего рода элиту. Работать при санатории отчего-то считалось престижным; видимо, потому что отдыхали в нем люди столичные, а также из соседних областей – Житомирской, Черниговской, Винницкой, Черкасской – которые приросшим к своим наделам и тяжелым на подъем жителям городка казались чуть ли не иностранцами.
Главным поваром, вернее, поварихой, работала в санатории Алена Тарасовна Горемыко, знаменитость и, можно сказать, достопримечательность городка. Это была женщина невероятных размеров, скандального характера и неукротимого любопытства, благодаря которому знала про каждого городского обитателя всё до последней мелочи, а если чего и не знала, то с удовольствием додумывала. Муж ее, Петро Васильевич, которого она коротко звала «Пэтей», работал в местной кочегарке и был человеком длинным, худым и настолько безропотным, что казался какою-то нелепой заготовкой в железных тисках супруги. Общей их гордостью и любовью была дочка Дуня, которая унаследовала до поры до времени наполовину дородность матери и, видимо, навсегда вялую безвольность отца. Уже к седьмому классу все ее формы, что называется, находились при ней, обещая развиться с возрастом в нечто невероятное. Это злило ее одноклассниц и побуждало к глупостям одноклассников, то норовивших коснуться ее округлостей, то ляпнуть про них какую-нибудь гадость. Дуня рдела, обзывала одноклассников дурнями, а дома жаловалась на эти знаки внимания матери.
– Дунэчко, донэчко, так то ж воны от восторга, – утешала дочку Алена Тарасовна. – Воны же млеют от тебя. Та ты сама на себя у зэркало подывысь. – Она совала Дуне под нос круглое зеркальце, восхищенно глядела на дочку и с умилением произносила:
– Богыня!

К девятнадцати годам «богыня» превратилась в такую полновесную роскошь, достигла такой незаурядности форм, что платья и юбки трещали на ней по

швам. Мать продолжала восторгаться ею, обильно подкармливая принесенными из санаторной кухни производственными излишками.
– Кушай, Дунэчко, кушай, донэчко, – приговаривала Алена Тарасовна. – Ось котлэточки, ось кортопля смажена... Сердешным хиба можна такэ... А ты в мэнэ – тьфу-тьфу-тьфу – нивроку здорова, красыва, сыльна, тоби йисты трэба... Творожочок йиш, це для костей полезно.
– Леночка, – робко вмешивался ее муж, – ты ж так йийи до смэрти загодуеш ...
– Мовчы, Пэтя, мовчы, куркуль, – наливалась краской Алена Тарасовна. – Дывыться, люды добри, йому вже для ридной дони шматочка жалко! Сам така сопля, начэ з носа высякалы , так щэ й з дочки хочэ бледную поганку зробыть!
Кавалера у Дуни не было. Местных парней отпугивала то ли избыточность ее природных форм, то ли скандальный характер ее матери, которая во всеуслышание заявляла, что у нее «на каждого губошлёпа знайдэться по оглобли».
– Дунэчка, ну шо тоби оте местные шибэникы , – говорила Алена Тарасовна. – Це ж хулиганы и жлобьё. В ных тонкости нэмае. А ты ж у мэнэ богыня! От в санатории люды так люды. С Житомиру е, с Полтавы е, с самого Киева е! Ой, трэба будэ устроить тебя до сердешных!
Она и в самом деле подсуетилась и пристроила Дуню нянечкой в санатории.
– Ну шо, – как бы невзначай спрашивала она у какого-нибудь солидного на вид пациента, – чысто у вас в комнате?
– Чисто, – удивленно отвечал тот.
– Доня моя постаралась, – хвасталась Алена Тарасовна. – Бачылы йийи? Богыня! От я вам ее покажу...
Она чуть ли не силком тащила несчастного сердечника любоваться дочкой, но жертва ее всякий раз проявляла чудеса стойкости: смиренно признавала Дунину божественность и тотчас же подлейшим образом норовила улизнуть. Ухажеров у Дуни не прибавилось, зато кривая выздоравливаемости к неудовольствию врачей стремительно поползла вниз. Разочарованная Дуня грустила, кушала и полнела.
Впрочем, ближе к середине восьмидесятых в городке появился человек, который влюбился в Дуню с первого взгляда и бесповоротно. У человека этого было не вполне благозвучное для здешних мест имя-отчество Илья Наумович и совсем уж возмутительная фамилия Альтшулер. До этого он несколько лет проработал в Киеве администратором при Укрконцерте, но, имея вспыльчивый характер и крайне невоздержанный язык, слегка повздорил с одним значительным лицом в этой солидной организации. Суть раздора заключалась в том, что Илья Наумович назвал значительное лицо мудаком, а тот, не согласившись с этой формулировкой, добился того, что Илью Наумовича уволили и отправили поднимать культуру на периферии.
Оказавшись в городке, Илья Наумович первым делом тщательно обследовал местный клуб, по какому-то недоразумению именовавшийся Домом культуры. Это было неприглядное на вид одноэтажное здание с облупившейся

штукатуркой снаружи и полнейшим запустением внутри: покосившейся сценой, сломанными стульями и пятнами сырости на стенах.
– Дом есть, культуры нет, – резюмировал Илья Наумович. – Будем поднимать культуру, начиная с дома. Эй! – обратился он к здоровенному молодому увальню, лузгавшему неподалеку от клуба семечки.
– Шо? – лениво отозвался тот.
– Где тут у вас вредоносит местное руководство?
– Шо?
– Продолжаем разговор титанов, – невозмутимо произнес Илья Наумович. – Вас как зовут?
– Паша.
– Восхитительно. Скажите мне, Паша, у вас в городе есть руководство?
– Начальство, шо ли?
– Ну, если вам так больше нравится...
– Мало шо мэни нравится... – пробурчал Паша. – Мэни, може, вообще ничого нэ нравится.
– Браво, – сказал Илья Наумович. – Один единомышленник у меня уже в городе есть. Так где тут у вас начальство, Паша?
– А в желтом доме на площе, – ответил Паша. – Там оно, – он смахнул с губ прилипшую шелуху и с удовольствием заключил: – врэдоносыть.
– Начальство в желтом доме – это великолепно, – с улыбкой кивнул Илья Наумович. – Спасибо, Паша, сердечно рад нашему знакомству.
Он слегка поклонился Паше, развернулся и зашагал к площади.
– Так-так, туды-туды, – крикнул ему вдогонку Паша. Лицо его сделалось задумчивым, даже глубокомысленным, и он по новой, смакуя слово, произнес: – Врэдоносыть...
Первое лицо местного руководства было чрезвычайно удивлено, когда в его кабинет вошел невысокий, тщедушный, но решительного вида человечек лет сорока с довеском, в легком сером пиджаке, одна из пуговиц которого болталась на нитке, и, не поздоровавшись и не представившись, поинтересовался:
– Будем поднимать культуру?
– Шо? – переспросило первое лицо.
– Приятно видеть такую близость власти и народа, – констатировал человечек. – Позвольте представиться: Илья Наумович Альтшулер, прислан к вам из Киева директором и администратором Дома культуры. С позволения сказать дом я уже видел. Культуры как таковой пока не встретил.
– Э-ээ... – начальство протянуло Илье Наумовичу руку, с досадой почувствовав, как та предательски повлажнела при слове «Киев», – очэнь прыятно. Та вы сидайтэ.
– Если мы не поднимем культуру, – заявил, оставаясь непреклонно стоять, Илья Наумович, – то, боюсь, что сесть нам придется вместе. Ваш клуб находится в состоянии первобытной жути. Мне сделалось дурно, когда я туда вошел. У вас там стегозавры не водятся?

– Стегозавры... не, нэ водятся, – покрываясь испариной, пробормотало начальство. – Фондов нэ хватае...
– Придется изыскать.
– На стегозавров?
– Да к черту ваших стегозавров! У нас тут, всё же, город, а не село. В свете последних решений, а также диалектической борьбы животноводства с посевными площадями, будем поднимать культуру.
Услышав знакомые интонации, местный руководитель немного пришел в себя и кивнул.
– Дуже своеврэменно, – произнес он.
– Причем поднимать будем как снаружи, так и изнутри, – продолжал Илья Наумович. – За снаружи я беру на себя. А за изнутри подсуетитесь сами.
– А це как?
– Стены в клубе покрасьте! Стулья нормальные поставьте! Сцену отремонтируйте!
– А на яки гроши?
– Изыщите внутренние резервы.
Руководитель вздохнул. «Внутренние резервы» ассоциировались у него исключительно с головной болью и геморроем.
– Хочу сообщить, – безжалостно сказал Илья Наумович, – что в самом ближайшем будущем вы можете смело ожидать комиссию от министерства культуры из Киева. Так что, или вы изыщете внутренние резервы, или вам будет, что им показать.

Внутренние резервы изыскались. Через месяц клуб был заново отштукатурен, стены внутри покрашены, сцена разобрана и сложена по новой, а поломанные стулья заменены на целые.
– Вот видите, – говорил Илья Наумович первому лицу, – ведь можно, если постараться. Если до испуга захотеть. Ведь самому же, согласитесь, приятно лицезреть такую прелесть.
– Лыцезрэть... воно да, воно прыятно... – кивало первое лицо. – Илья Наумович, а когда ждаты комиссию из Киева?
– В любую минуту, – отвечал Илья Наумович.
За тот месяц, что Илья Наумович обретался в городке, отношение к нему сложилось странное. Чужак, да еще еврей, да еще затеявший никому не нужную мороку с клубом, вызывал подозрение и даже раздражение.
– Мало нам було санатория, так ще культура понаехала, – ворчали обитатели городка.
Понаехавшая культура, меж тем, ютилась в клубной гримерке, ходила в одном и том же пиджаке с вечно отрывающейся и не могущей до конца оторваться пуговицей и вскоре стала чем-то вроде местного юродивого. Но когда клуб был отремонтирован, Илья Наумович, используя все свои киевские связи в артистических кругах, принялся творить чудеса. На сцене Дома культуры

забытого Богом городка стали появляться эстрадные и цирковые: фокусники, чтецы, акробаты, клоуны, жонглеры и лилипуты. Пустеющий даже в лучшие времена клуб был теперь битком набит по выходным, а от лилипутов местная публика попросту млела. Илья Наумович в одночасье превратился из изгоя в кумира.

– Це ж совершенно нэвэроятно, Илья Нумович, – восторгалось первое лицо. – Вы, мабуть, якэсь волшебнэ слово знаетэ.

– Изыскиваю внутренние резервы, – скромно отвечал Илья Наумович. – А волшебных слов на свете столько, что если из каждого веревку свить, так полруководства перевешать можно.

– Господь з вамы, – испуганно махало руками первое лицо. – Такэ скажэтэ, що слухаты страшно... А шо, Илья Наумович, скоро к нам комиссия из Киева?

– В любую минуту, – привычно отвечал Илья Наумович. – А нам таки есть теперь, что ей показать.

Порядок на концертах, организованных Ильей Наумовичем, царил идеальный. Поначалу за этим строго следили здоровяк-Паша, с которым случай свел будущего клубного директора в первый день приезда, и его столь же внушительного вида приятели. Но скоро эта мера предосторожности сделалась излишней, поскольку все без исключения ожидали с замиранием сердца очередного представления и особенно приезда вожделенных лилипутов.

Однажды, впрочем, случился конфуз, когда по настоянию свыше Илья Наумович вынужден был пригласить высокопоставленного чтеца, к слову сказать, народного артиста республики. Тот, крупный, вальяжный и очарованный собою, с некоторым пренебрежением вышел на клубную сцену провинциального городка и, явно одаривая собою присутствующих, принялся декламировать из Маяковского:

– Разворачивайтесь в марше! Словесной не место кляузе...

Не успел столичный чтец дойти до «товарища маузера», как из публики в него полетел ботинок. Народный до того опешил от такого признания его таланта, что не сразу отреагировал, и лишь раздавшийся во все пальцы свист донес до него суть фиаско. Он бросил в зал испепеляющий взор и свирепо ретировался со сцены. На его место выскочил Илья Наумович.

– Уроды, – с какой-то не подходящей к сказанному нежностью объявил он залу.

– Ну, подождите у меня...

Он бросился за кулисы, где народный клокотал от праведного гнева.

– Слушайте, – сказал Илья Наумович, – не надо так обижаться… Это же провинция, дикий народ. Ради Бога, простите их. Вы, скажу я вам, и сами хороши: вышли, надулись, как индюк, стали читать им про какие-то блядские марши. Рассказали бы чего-нибудь попроще. Например, анекдот. Например, анекдот про жопу. Выйдете и расскажите им анекдот про жопу. Вас тут же полюбят.

– Что?! – громыхнул чтец. – Чтоб я... народный артист республики... рассказывал со сцены анекдоты про жопу?!!

– А что вас так смутила жопа? Вы бывали в местах поинтересней? Ладно, не хотите про жопу, расскажите анекдот про что-нибудь другое. Тихо, тихо, не надо этих эмоций, я уже по вашему радостному лицу всё понял. Не рассказывайте никаких анекдотов. Только сидите здесь и никуда не уходите, я сейчас всё устрою.
Илья Наумович снова вышел на сцену. Зал притих.
– Вы мудаки, – свирепо молвил маленький администратор. – Я пригласил народного артиста республики! Народного арти... Короче, – он угрожающе глянул на публику, – если еще хоть одна сволочь кинет ботинок, – он свернул пальцы рук в два кукиша, – вот вы у меня увидите цирк, вот вам будут лилипуты!
Столь неудачное начало концерта сгладилось пышным его окончанием в виде банкета, который устроили в обеденном зале санатория, поскольку лучшего ресторана в городке не было. За щедро накрытыми столами присутствовала вся местная элита: руководство во главе с первым лицом, главврач с заместителями, представители городской интеллигенции (Илья Наумович и начальник железнодорожной станции), а также передовики производства, в число которых непонятным образом попала Дуня Горемыко, видимо, пристроенная сюда заботливой мамой Аленой Тарасовной. Народный с удовольствием закусывал, с еще большим удовольствием пил коньяк и, наслаждаясь собою, разглагольствовал об управлении периферией. Руководство в лице первого рассуждало о железных дорогах. Начальник железнодорожной станции высказывал тонкие суждения о культуре. А культура в лице Ильи Наумовича отмалчивалась и не сводила глаз с Дуни.
– Кто это юное совершенство? – тихо поинтересовался он у начальника станции, который только что решительно отдал предпочтение художественной декламации перед шпагоглотанием.
– Та где? – удивился начальник станции.
– Да вон же, напротив нас, с белым личиком, пунцовыми щечками и глазками, как у ангела...
– Це вы про Дуньку Горемыко? Про дочку поварихину?
– Боже мой, какая роскошь, – восторженно пробормотал Илья Наумович. – Это же не женщина, а шесть пудов человеческого счастья!
– Та вы сдурили, – покачал головой интеллигентный начальник станции. – Це ж такэ щастя, шо от него тикаты трэба, сломя голову. Вы ее маму бачылы? Вы йийи чулы? Це ж полный... – он задумался в поисках подходящего слова и закончил: – апокалипсис.
– Начхать мне, извините за тонкость, на ее маму, – ответил Илья Наумович, – и на апокалипсис тоже. Я с нею познакомлюсь.
– Ну, якщо вы розумных людэй слухаты нэ хочэтэ, так и ищите соби приключэний на голову, – обиженно заявил начальник станции.
– Спасибо, – кивнул Илья Наумович, – я всю жизнь нахожу себе приключения. И не только на голову.

Несколько дней кряду Илья Наумович пытался подкараулить Дуню, но та неизменно возвращалось домой с грозной мамашей, на которую Илья Наумович грозился начихать, но подойти и проделать это отчего-то не решился. В один из субботних вечеров, когда он, с любовной думой пополам, бродил по городку, ему всё же посчастливилось: он увидел Дуню, одиноко вышагивающую в резиновых сапогах по уличному месиву.
– Глазам не верю! – воскликнул он, подскакивая к предмету обожания, который на полголовы возвышался над его собственной макушкой. – Дуня, неужели это вы?
Дуня с удивлением посмотрела на незваного кавалера.
– Я, – сказала она. – А шо?
– Просто никак не ждал увидеть вас одну, без мамы.
– Мама борщ готовыть, – ответила Дуня. – А мэнэ послала аппэтыт нагуливать.
– Ах, Дунечка, если б вы знали, какой аппетит вы мне нагуляли за эти дни! – Илья Наумович прижал руку к сердцу. – Почему я вас ни разу не видел на концертах в клубе? Для кого я их, по-вашему, устраиваю?
– Для артыстов?
– Ах, Дуня, если б вы знали, как мне наплевать на всех артистов оптом и в розницу! Всё было организовано ради встречи с вами, которую вы так упорно игнорировали.
– Мама каже, шо концерты – це вертеп, – покраснев, сказала Дуня. – Шо культурни люды на концерты нэ ходят.
– Дунечка, у вас такая предусмотрительная мама, что я прямо удивляюсь, как она вам позволила родиться на свет. Мир – это такой вертеп, что культурным людям просто опасно в нем рождаться. Вы разрешите прогуляться с вами?
– Так я вже домой шла.
– Тогда я вас провожу. В этом вертепе столько хулиганов... – Илья Наумович изогнул руку полукольцом, как бы приглашая Дуню на него опереться.
– А шо вы им сделаете? – спросила Дуня, механически продевая свою лапищу в предложенное ей полуколечко. – Вы ж такый малэнькый...
– Малэнькый, алэ злый, як собака, – заверил ее Илья Наумович, элегантно ведя по дорожной грязюке. – Можу покусаты.
– Ой! – испугалась Дунечка, выдергивая руку – Так вы скажэный?
– Что вы, – Илья Наумович вернул ее руку назад, – я просто отважный. Ваше присутствие и моя любовь придают мне смелости. Вот гляжу я на вас, Дунечка, и мне хочется быть маленьким отважным странником, затерявшимся среди ваших холмов.
– Та ну вас, – покраснела Дуня, чувствуя, как сердечко ее тает, – прыдумалы ж холмы какие-то...
– Горы, Дунечка, горы... С опасными перевалами и ложбинами, где одинокого странника подстерегают злые разбойники... Ого, одного уже вижу! – Илья Наумович остановился и гневно указал пальцем на огромную, темнеющую в

сумерках фигуру, которая, прислонившись к забору, лузгала семечки. – Ваш ухажер вас дожидается? Подстерегает вас? Сейчас вы увидите, какой я маленький...
– Та якый ухажер... – начала было Дуня, но Илья Наумович уже подскочил к фигуре и с размаху залепил ей оплеуху.
– Это тебе, чтоб не караулил чужих женщин! – объявил он.
– Та шо ж це такое, – обиженно удивилась фигура. – Стою, лузгаю семочкы, никого нэ трогаю... Вы сдурели, Илья Наумович, чы шо?
– Ой... – изумился Илья Наумович. – Это ты, Павлуша?
– А шо Павлуша... Як Павлуша, так можно сразу в морду заместо «здрасьте»? Це шо ж у нас за город такый, шо це вже деятель культуры нэ може мимо пройти, шоб тоби по морди нэ хлопнуть?
– Ты зачем Дуню у забора караулил?
– Шо значыть караулил? Це мой забор, я за ным живу.
– Павлуша, ну прости Бога ради, – Илья Наумович прижал руки к груди. – Ну хочешь, дай мне тоже в морду.
– Ага, – кивнул Павлуша, – я вам в морду, а мэнэ в тюрьму за убийство. Воно мэни трэба, такэ щастя за вашу морду? Идить вже, Илья Наумович, з вашею Дунею, я тут зараз шось вдребезги разнесу...
Илья Наумович смущенно приобнял Дуню и повел ее дальше. Та не отстранялась.
– А вы правда, – сказала она, – такый...
– Скажэный?
– Отважный. Павло ж вин... такый... Вин кабана вбыты може.
– Так я ж не кабан, Дунечка.
– Не, вы нэ кабан... Ну всэ, мы прыйшлы.
Они остановились у деревянного забора с калиткой, за которым виднелось несколько яблонь и шиферная крыша дома.
– Неужели вы так скоро хотите меня покинуть? – полужалобно-полулукаво спросил Илья Наумович.
– Так мама ж борщ сварила.
– О, я понимаю, борщ – это святое, тут я не соперник. А не хотите ли пригласить меня на борщ?
Дуня зарделась.
– Ну, я нэ знаю... шоб прям так скоро, – промямлила она. – Шо мама скажэ...
– Шо-то все меня хотят напугать вашей мамой, – улыбнулся Илья Наумович. – Да вы не смущайтесь так, я ж не на сегодня напрашиваюсь.
– А на когда?
– На завтра. Вчерашний борщ всегда вкуснее.
В это время из-за забора послышалось хрюканье.
– Это из комнаты вашей мамы? – поинтересовался Илья Наумович.
– Та не, це ж Инженер, – сказала Дуня.
– Кто?

– Инженер. Такый жирный, морда хытрая... Мы його к Новому году зарежем.
– Что? – Илья Наумович почувствовал, как голова у него пошла кругом. – Это у вас такой семейный обычай, резать под Новый год инженеров?
– Та ну вас... Инженер – це ж боров. То ж вин у хлеву хрюкав. Така хытра, така розумна свынья...
– Знаете, Дуня, – сказал Илья Наумович, – в ваш дом нельзя входить неподготовленным. И хоть судьба несчастного Инженера вынуждает меня опасаться за собственную, но решений своих я не меняю. Ждите завтра в гости. Вот вам залог, что я не передумаю.
Он привстал на цыпочки и поцеловал Дуню в пухлую щеку. Дуня в очередной раз покраснела, даже зарделась, и со словами «та ну вас, скажэный», несильно и как-то нерешительно хлопнула Илью Наумовича по физиономии и скрылась за калиткой.
– Восхитительно! – сказал Илья Наумович, благоговейно потирая ушибленную щеку. – Какая изумительная девушка. Надеюсь, когда мы поженимся, она будет так же щедро раздавать пощечины тем, кто вздумает прицепить мне на голову рога.
(продолжение следует)